

ГОРОД УКРАДЕННЫХ ИМЕН

НЕВЕСТА
ТОГО, КТО СТИРАЕТ
ИМЕНА

ГЛАВА 1

Имя под приговором

18+

Марк Велар

Невеста того, кто стирает имена

«Автор»

2026

Велар М.

Невеста того, кто стирает имена / М. Велар — «Автор», 2026

В городе Эйрен человеческую жизнь можно уничтожить одним росчерком пера. Достаточно стереть Истинное Имя — и даже самые близкие люди забудут, что ты существовал. Лея Вэр работает в Архиве забытых. Она привыкла хранить чужие тайны, пока однажды не обнаруживает среди приговорённых собственное имя. До казни остаётся семь дней. Её единственный шанс выжить — Кайрен Мор, беспощадный королевский судья, которого называют Палачом Памяти. Он предлагает странную сделку: фиктивный брак в обмен на защиту. Но почему человек, которому поручено уничтожить Лею, готов рисковать ради неё собственной жизнью? И что, если самое страшное преступление в этом городе совершено не против мёртвых, а против тех, кто ещё умеет любить? Тёмное романтическое фэнтези о запретной магии, потерянных воспоминаниях и любви, которая сильнее забвения.

© Велар М., 2026

© Автор, 2026

Марк Велар

Невеста того, кто стирает имена

Глава 1

Глава 1. Имя под приговором

В Архиве забытых было принято оставлять пустые строки.

Никто не объяснял почему. Новым переписчикам говорили, что так удобнее исправлять ошибки; старым — что привычка пережила не одну сотню лет и спорить с ней бесполезно. Я проработала здесь шесть лет и знала: чаще всего пустая строка означала, что когда-то на её месте стояло чьё-то имя.

В то утро таких строк оказалось три.

Я провела ногтем по краю медной ведомости. Металл был холодный, местами изъеденный зелёными пятнами. Между записями о выдаче хлебных карточек оставались три аккуратных пробела — каждый длиной ровно в двенадцать букв. Чернила на соседних строках подсохли, бумажная копия пожелтела, а пустоты выглядели так, словно их оставили вчера.

— Ты опять разговариваешь с покойниками? — спросила Ниса.

Она вошла в читальный зал, придерживая локтем две кружки. Крышка чайника, который она несла под мышкой, звякала на каждом шаге. Я не обернулась, пока не закончила подсчёт.

— Если бы они отвечали, я бы уже давно попросила прибавку.

Ниса поставила передо мной кружку, заглянула в ведомость и сразу поморщилась.

— Седьмой шкаф? Ты добровольно открыла седьмой шкаф до завтрака?

— Пятый. Седьмой опечатали в прошлом месяце.

— Чудесно. Значит, у тебя ещё есть куда падать.

Она была на год старше меня, но умела смотреть так, будто я ребёнок, который собрался проверить прочность льда сапогом. Впрочем, именно Ниса однажды научила меня отличать настоящую плесень на переплётах от порошка, которым охрана метила запрещённые дела. После этого её наставления я выслушивала внимательнее, чем следовало.

Я пододвинула к ней ведомость.

— Здесь были три человека. В копии они есть в итоговом подсчёте, а в списке их нет.

— Писарь ошибся.

— Три раза? В трёх соседних строках? И не пересчитал сумму?

— Тогда писарь был очень последовательным человеком.

Ниса улыбнулась, но пальцы её соскользнули с края стола. Она не любила говорить о пустых именах. Большинство служащих Реестра не любило — для этого существовал наш отдел, расположенный в нижнем ярусе Белой башни, где окна начинались выше человеческого роста, а дверные петли смазывали каждую неделю, чтобы никто не слышал, как вывозят старые дела.

В Эйрене считалось, что имя принадлежит человеку с седьмого дня его жизни. Тогда его узор закрепляли в Своде и выдавали родителям свидетельство наречения. С этим свидетельством взрослели, женились, наследовали дома, подавали жалобы и получали право быть услышанными судом.

А иногда имя отнимали.

Человек после этого не исчезал. Он продолжал дышать, есть, мерзнуть на зимнем ветру. Просто люди, которым он вчера был дорог, переставали узнавать его лицо. К вечеру на пустом месте рождалась новая жалость или новое раздражение. После следующего ночного звона начинать знакомство приходилось опять.

Я не видела ни одной такой казни. Служащим Архива забытых не полагалось присутствовать на площади. Нам доставались ведомости.

— Лея, — сказала Ниса уже без улыбки. — Старший хранитель просил сегодня не трогать поступления из Палаты.

— Он просил не разносить их по столам. Это другое.

— Он просил дословно: «Ничего не вскрывать до моего возвращения».

— Значит, ты умеешь цитировать. Поздравляю.

— А ты умеешь не слушать. Когда-нибудь это приведёт тебя прямо к главному судье.

Я подняла глаза.

— Надеюсь, что нет. У него скверная репутация.

— У него репутация человека, который делает то, что ему велят.

В городе Кайрена Мора называли Палачом Памяти. Я знала его лишь по оттилкам на постановлениях: ровный, почти безупречный знак судьи, под которым люди переставали существовать для своих семей. Мне хватало этого знакомства.

Ниса вздохнула и отправилась к дальнему столу. Она всегда уходила раньше, чем наш спор успевал превратиться в ссору. Я сделала глоток. Чай был слишком сладким. Значит, подруга опять положила в мою кружку сахар, который берегла для себя.

Я хотела окликнуть её, но взгляд зацепился за одну из пустот.

Внизу медной строки, под потемневшей кромкой, сохранилась крохотная царапина. Не случайная: короткая черта и две точки. Такой знак переписчики ставили, когда не могли свести два документа без присутствия Свидетеля.

Три отсутствующих имени имели один и тот же знак.

Я переписала номер ведомости на ладонь. Потом стёрла. На коже буквы растекались, и мне вдруг показалось важным не оставлять их даже там.

Из верхних этажей донёлся утренний колокол. Стекло в окне дрогнуло. На мгновение я забыла, зачем держу в руке перо.

Так бывало со всеми: звон отрывал мысль, словно нитку. Через секунду я вспомнила. Но неприятный холод под рёбрами остался.

Ниса не слышала моего тихого вопроса:

— Куда же вас внесли вместо этого списка?

Ответ лежал в поступлениях из Палаты.

Я дождалась, пока переписчики разойдутся по кладовым, и направилась к шкафу с новыми приказами. Его закрывала не печать, а тонкая жёлтая лента с подписью хранителя. Разрезать её означало оставить доказательство нарушения. Я сняла ленту вместе с деревянной планкой, на которой та держалась, и аккуратно положила обе рядом. Старший хранитель сам однажды показал мне, как сохранять старые крепления, чтобы не повреждать документы.

Это был, пожалуй, единственный случай, когда урок Геллана Роута мог стоять мне работы.

В шкафу пахло горячим воском, хотя ни одна свеча здесь не горела. Поступившие из Палаты приказы располагались по дате, сверху — обычные споры о собственности, снизу — закрытые дела. Между ними лежала свежая медная пластина с перечнем приложений.

Я нашла номер ведомости из седьмого отдела и провела пальцем вниз по колонке.

Выдача хлеба. Изъятие пайков. Исправление гражданской записи. Передача в судебное хранение.

Последняя строка была короче других. Там, где обычно указывали число приложений, стояло одно слово: «Совместно».

Не «утверждено», не «отложено». Совместно.

Я отложила пластину и достала тяжёлую папку в сером переплёте. Она не была старой — на углах ещё не стёрлась ткань. Но на обложке уже стояла помета, которую ставили только после окончания дела: красная полоса поперёк корешка.

Под полосой проступали две буквы и число.

P-42.

Я переписала номер в блокнот. Папка весила больше, чем должна была. Внутри находились прошитые постановления, закрытые счета, списки лиц, которым предстояло утратить гражданское имя. Последний лист был приклеен к подкладке плотной чёрной нитью.

Сорок два.

Не просто цифра на корешке. В колонке «количество исполнений» стояло сорок два.

Я быстро пролистала страницы. На некоторых строках имена можно было прочесть. Другие расплывались перед глазами, хотя чернила были чёткими. Достаточно было отвести взгляд на миг — и я уже не помнила, какое слово увидела.

Я моргнула, отодвинула лист и притянула его обратно.

«Торговая площадь, дом шесть» — прочиталось без усилия. Следующая строка ускользнула.

Я прижала к ней металлическую линейку, оставив открытой только узкую полоску бумаги. Буквы под полоской стояли ровно и отчётливо. Но стоило убрать линейку, как они распадалась для моего внимания на обычные чёрные штрихи.

Это были не плохие чернила. Я проверила линейку: по ней оставался слабый сизый след, словно слова пытались выскользнуть даже из-под металла.

Внизу страницы кто-то аккуратно вывел: «До установления законности исполнения разглашение запрещено».

У меня пересохло во рту.

Запрет на разглашение ставили на дела государственной важности. На приговоры, которым требовалось три полномочия: судьи, Свидетеля и хранителя. Я знала процедуру по справочникам и всегда ненавидела это спокойное перечисление. Как будто для уничтожения человеческой жизни в глазах окружающих достаточно было правильно расставить три печати.

Я перелистнула ещё страницу.

Между серыми листами обнаружился белый. Совсем новый, с блеском непросохшего состава на полях. Вверху значилось:

«Постановление об исполнении казни имени. Седьмой звон».

Ниже шли основания, номера статей, ссылки на закрытую присягу. Я знала эти формулы наизусть и читала почти не глядя. Потом дошла до графы «лицо, в отношении которого выносятся приказ».

Лея Вэр.

Я перечитала.

Не потому, что не поверила. Потому, что в первые секунды буквы оставались единственным, чему я могла доверять.

«Лея Вэр, дочь Миры Вэр, двадцать шесть полных лет. Узор наречения подтверждён».

Слева от строки тянулась тонкая полоса, похожая на ветвистую трещину в стекле. Я узнала собственный регистрационный знак: он был выбит на медном жетоне, который я носила под воротом с детства. Имя можно было перепутать. Такой узор — нет.

Пальцы сами потянулись к жетону.

Он оказался на месте. Холодный, как всегда. Ничего в комнате не изменилось: за стеной скрипела тележка, кто-то кашлял у лестницы, на столе остывал сладкий чай.

Внизу приказа значилась дата исполнения. Через семь дней, на Седьмом звоне.

Казнь назначили не за убийство и не за измену. В разделе «состав вины» стояло: «Незаконное удержание имён, подлежащих изъятию. Угроза целостности Свода».

Я почти рассмеялась.

Шесть лет я возвращала потерянные бумаги на правильные полки, исправляла чужие ошибки, спорила из-за дат и учила молодых переписчиков не обрезать поля. Если за это следовало лишать человека имени, казни заслуживала половина нашего отдела.

Но смешок так и не вышел.

На нижнем краю листа стояли три оттиска.

Свидетельский — тонкое кольцо с раскрытым глазом. Хранительский — тяжёлый круг с семью насечками. Судейский — узкая вертикальная черта, через которую проходили две дуги, как две половинки незакрытых ворот.

Под ним было выведено:

«Кайрен Мор. Судья Палаты. Приговор утверждаю».

Мне пришлось сесть.

Мор никогда не подписывал документы небрежно. Я видела его имя на десятках приказов. Одно и то же сухое письмо; одинаковый нажим в последней букве. Даже теперь подпись выглядела безупречной.

Я представила себе Колокольную площадь, куда приводили осуждённых. Представила, как прохожие отворачиваются от человека, которого ещё утром знали. Мои соседи перестанут узнавать меня. Ниса протянет кружку чужой женщине и спросит, чего та хочет. Комната, которую я снимала над пекарней, останется такой же маленькой, но хозяйка не поверит, что я живу там шестой год.

У меня не было большой семьи, за которую можно было бы цепляться. Мать умерла, когда я была ребёнком. Отца я не знала. И всё же мысль, что меня не вспомнит даже Ниса, оказалась страшнее любого железа на площади.

Я снова наклонилась к приказу.

Слова начали тускнеть.

Сначала исчезли края букв, потом смысл целых строк. Я смотрела прямо на собственное имя и уже не могла удержать его в уме. Два удара сердца — и я почти забыла, что сижу над смертным приговором.

Я резко захлопнула папку.

В памяти остался только страх. Без причины. Тело знало то, чего не могла удержать голова.

— Нет, — сказала я вслух.

Голос прозвучал громче, чем хотелось.

Я раскрыла папку на нужном месте. Линейкой прижала верхний край. Прочитала заголовков по слогам. Потом своё имя. Потом дату. Повторила всё ещё раз, пока в памяти не сложилась короткая цепь из трёх вещей: я, приказ, семь дней.

И только тогда вспомнила, что делать.

В нижнем ящике стола хранилась свидетельская бумага — тонкие плотные листы, которые выдавали для копирования неустойчивых записей. Она стояла дорого, и за каждый использованный лист приходилось отчитываться. Я взяла два.

Один подложила под приказ вместе с копировальной подкладкой, второй положила сверху и зажала по углам. Потом достала мягкий угольный стержень.

Копирование происходило медленно: если нажать слишком сильно, порвётся исходный лист. Если слишком слабо — след не перейдёт на нижний. Я обводила каждую букву, каждый номер, не позволяя себе думать об их значении. Черта. Петля. Две дуги. Дата.

Когда дошла до своего имени, пальцы дрогнули.

«Лея Вэр».

На этот раз я произнесла его мысленно, как чужое.

В детстве кто-то говорил мне, что имя нужно произносить так, будто зовёшь человека домой. Кто именно — я не могла вспомнить. Мне хотелось думать, что мать. Но при попытке представить её лицо возникали лишь обрывки: запах мокрой шерсти, ладонь на затылке, незаконченная колыбельная. Я не знала, кому они принадлежали.

Уголь оставил чёрную крошку на манжете. Я растёрла её пальцем и продолжила.

Наконец подняла верхний лист.

На нижнем проступил бледный, но читаемый текст. Я посмотрела на оригинал. Заголовок опять уплывал, зато копия оставалась на месте. Свидетельская бумага не вернула смысл, как по волшебству, — она всего лишь дала мне строчки, которые не менялись, когда я отводила глаза.

Впервые за утро я сумела вдохнуть полной грудью.

Теперь у меня было доказательство.

Я сложила копию пополам и спрятала под подкладку переплётного футляра. Второй лист я оставила чистым и вернула в ящик. Пропажу одного расходного листа ещё можно было списать на ошибку переписчика. Глупая надежда. Но другой у меня не было.

За моей спиной щёлкнула дверная защёлка.

— Что ты делаешь?

Я узнала голос Нисы прежде, чем повернулась.

Она остановилась на пороге с пустым подносом. На носу у неё белела мучная полоска — видимо, опять тайком ходила за булками в кухню для стражи. Обычно я не могла удержаться от замечания. Сейчас язык словно прилип к нёбу.

— Проверяю старую ведомость.

— В шкафу новых приказов?

— Она числится приложением.

Ниса посмотрела на снятую жёлтую ленту. Потом на мои испачканные углём руки. Уголки её рта дрогнули, но улыбки не получилось.

— Лея. Если хранитель узнает...

— Ты скажешь, что не видела.

— Я так не говорила.

— Знаю.

Мне захотелось показать ей копию. Рассказать всё сразу, пока она ещё знает, кто я такая. Я даже открыла рот. И вспомнила, что за дверью могут стоять стражи, а приказ помечен запретом на разглашение.

Я не подозревала Нису ни в чём дурном. Просто слово, однажды произнесённое вслух, уже нельзя запереть обратно в ящик.

— От тебя пахнет страхом, — сказала она.

— У тебя хорошее обоняние.

— Нет. У меня есть подруга, которая шутит только тогда, когда ей страшно.

Я отвернулась к столу. Трогательность была сейчас роскошью, которую я не могла себе позволить.

— Мне нужно кое-что проверить в судебных книгах.

— Это верхний ярус.

— Я знаю, где он находится.

— Там не пускают без допуска Палаты.

— Тогда добуду допуск.

Ниса поставила поднос на стол и приблизилась. Её лицо стало серьёзным.

— Скажи хотя бы, тебе грозит опасность?

Я посмотрела на неё. Утренний свет ложился на веснушки, которых она стеснялась с детства. Мне вдруг показалось, что я хочу запомнить их расположение. Семь маленьких точек возле левого глаза. Три над переносицей.

— Пока не знаю, — соврала я.

Она не поверила. Но не стала задавать новых вопросов.

— Если решишь пойти к хранителю, — сказала Ниса тихо, — не говори при нём больше, чем нужно.

— Почему?

— Потому что он умеет слушать. Иногда слишком хорошо.

В коридоре послышались шаги. Ниса быстро забрала поднос, будто всё это время приходила только за ним.

— Встретимся на обеде, — сказала она уже обычным голосом.

Я кивнула.

Когда дверь закрылась, я долго смотрела на пустое место, где она стояла. Мне хотелось верить, что до обеда всё закончится. Что я принесу наверх приказ, Мор поставит на нём отметку «ошибка», хранитель пожурит небрежного писаря, а мы с Нисой снова будем спорить из-за переслащённого чая.

Я открыла официальный справочник.

Ошибочный приговор нельзя было отменить распоряжением архивистки. Даже судья, подписавший его, должен был получить согласие Свидетеля и хранителя. Без всех трёх оттисков Свод продолжал считать приказ действующим.

В законе существовали строки, которые удобно читать, пока они не касаются тебя.

Я нашла страницу о порядке отсрочки. Между сухими формулировками мелькнуло слово «порука», но дальше шёл перечень условий, смысл которых требовал судебного толкования. Я пометила страницу уголком бумаги. Отказываться от возможного выхода лишь потому, что я не понимала его, было бы глупо.

Глупостью было бы и бежать.

Эйрен стоял в долине, за которой тянулся Предел. В ясный день его не было видно, но у заставы воздух всегда казался чуть толще. По ту сторону исчезали дороги. Вернувшиеся рассказывали о людях, забывавших, зачем вышли из дома, и домах, которые не удавалось найти дважды. В детстве я считала эти рассказы страшилками для послушных девочек. Теперь мне доводилось читать пограничные отчёты. Страшилки были гораздо добрее.

Даже если бы мне удалось пересечь границу, запись в Своде никуда бы не делась. Это было написано на последней странице справочника. Приговор исполнялся в отношении имени, а не адреса проживания.

Я стиснула зубы.

Оставался город. Оставались документы. И человек, чья подпись стояла под моим приговором.

Кайрен Мор.

Я не знала, подделал ли кто-то его знак или он сам подписал приказ, ни разу не встретившись со мной. Но я знала, где находится зал приговоров. И знала, что до полудня там принимают служебные обращения.

Я вложила справочник на полку, восстановила деревянную планку с жёлтой лентой и закрыла шкаф. Папку Р-42 оставила точно там, где нашла, хотя каждая разумная часть моего тела требовала схватить её и бежать.

Без оригинала меня могли назвать лгуньей. С оригиналом — воровкой секретных документов. Копия была единственным, что я могла унести, не объявив о себе на весь Реестр.

Когда я вышла в коридор, перед дверью уже стоял Геллан Роут.

Главный хранитель носил серый сюртук без украшений и неизменно чистые перчатки. Его волосы давно поседели, но глаза оставались внимательными и мягкими. В первый год службы он заметил, что я мерзну внизу, и распорядился перенести мой стол подальше от венти-

ляционной шахты. Потом несколько раз приносил мне книги из закрытого фонда, потому что, как он говорил, «хорошему архивисту нужна не только дисциплина, но и любознательность».

Я привыкла доверять ему больше, чем большинству людей в башне.

— Лея, — произнёс он. — Какое счастье, что я застал вас до обеда.

— Вы вернулись раньше.

— Бывают дела, которые не терпят ожидания.

Он взглянул на мои руки. Я спрятала испачканную манжету за спину — слишком поздно.

— Что-то случилось в Архиве?

Мне хватило секунды, чтобы вспомнить о копии в футляре. Хватило ещё одной, чтобы решить: если я промолчу сейчас, потом могу об этом пожалеть.

— Я нашла судебный приказ, — сказала я. — Похоже, в нём ошибка.

— Ошибка?

— Там указано моё имя.

Лицо Геллана не изменилось. Лишь пальцы в перчатках сложились чуть плотнее, чем прежде.

— Понимаю, — произнёс он.

Я ждала удивления. Возмущения. Хотя бы вопроса, не перепутала ли я документы. Вместо этого он медленно кивнул, словно услышал подтверждение давно известной неприятности.

— Вам не следовало оставаться с этим одной, дорогая. Мы всё выясним.

— В приказе стоит подпись судьи Мора.

— Да. Система иногда проводит решения быстрее, чем человек успевает понять их значение.

Он сказал это очень тихо. Мне захотелось ухватиться за его спокойствие, как за перила на крутой лестнице.

— Вы можете остановить исполнение?

— Сначала надо убедиться, что вы ничего не истолковали неверно. Предлагаю разобраться без огласки. До конца дня никому ни слова — даже Нисе. Я сам проверю обстоятельства.

— А копию приказа мне можно оставить?

Впервые Геллан не ответил сразу.

— Какую копию?

— Я собиралась её сделать. Для сверки.

Это была почти правда.

Он внимательно посмотрел на меня, потом мягко улыбнулся.

— Вы всегда были предусмотрительной. Но пока дело Р-42 находится под внутренним разбирательством, любые копии только осложнят положение. Лучше доверьте бумаги мне.

Я почувствовала, как футляр под мышкой стал тяжёлым.

Геллан сделал шаг к лестнице, ожидая, что я последую за ним. Я не двинулась.

— Лея?

На жёлтой ленте шкафа не было номера. На белом листе с моим именем — тоже. Только на внутренней стороне серой папки, спрятанной среди закрытых дел, стояли эти два знака и число.

Р-42.

Я не произносила их вслух.

— Господин хранитель, — спросила я, стараясь говорить ровно, — откуда вы знаете номер моего дела?